

ПЛЕН И БЕЖЕНЦЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 930:94(470)"1914/1917"

ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ В КОНФЛИКТАХ И КОМПРОМИССАХ ВЛАСТЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Н. В. Суржикова

Институт истории и археологии УрО РАН, 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
snvplus@mail.ru

Рассматривается проблема взаимоотношений государства и общества в России в годы Первой мировой войны на примере организации так называемого беженского дела. Показано, что беженский кризис, подвигнув разные общественные силы к активной деятельности, привел к столкновению их интересов, а также интересов властей с интересами разных самостоятельных объединений. При этом ключевым в их разногласиях стал вопрос о компетенциях и ресурсах, так до конца и не решенный. Тем самым ситуация с помощью беженцам способствовала росту недоверия между государством и обществом, обнаруживая крайне низкий уровень их союзоспособности.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, беженский кризис, государство, общество, благотворительность, компромиссы, конфликты, ресурсы, опыт.

К Первой мировой войне российский опыт филантропической деятельности уже отличался многообразием направлений и видов. Особенно активное развитие благотворительных инициатив наблюдалось во второй половине XIX в., что создало благоприятную почву для последующего роста числа заведений и обществ, занимавшихся общественным призрением, и для зарождения новых, более специализированных, практик меценатства и вспомоществования. В этой связи уместно сослаться на Г.Н. Ульянову, по мысли которой «структура, механизм и параметры сменяющих друг друга во времени или действовавших параллельно институтов помощи бедным являлись своеобразным индикатором тенденций общественно-политического развития Российской империи» [Ульянова, 2000, с. 199]. Это понимали и современники, попытавшиеся объективировать эту важнейшую, но не осмысленную в полной мере социальную интуицию.

Что касается Первой мировой войны, то она не только стала проверкой на прочность для ранее созданных институтов благотворительности, но и создала условия для их конкуренции, что со всей очевидностью продемонстрировала история российского беженства 1914–1917 гг. Она, казалось бы, уже неплохо изученная российскими историками, до сих пор рассматривается в основном через те или иные валовые характеристики (численность беженцев, объемы выделенной им помощи, количество средств, потраченных на эту помощь, статистика беженского труда и пр.) [Арутюнян, 1989; Златина, 2010; Кузьменко, 2010; Утгоф, 2003; Цовян, 2005; Щетинина, 2007]. Собственно же «химия» беженства, практики взаимодействия структур и индивидов, порожденные им, остаются малоисследованными, что не позволяет адекватно оценить место беженской проблемы в жизни российского общества и определить ее роль в скатывании России к системным трансформациям 1917 г. То, что таковую роль 7,4 млн российских беженцев (5 % населения) так или иначе сыграли, не вызывает сомнений уже потому, что их появление не осталось незамеченным ни в одном из регионов страны [Волков, 1930, с. 72, 75].

Действительно, еще даже не прибытие, а только ожидание прибытия беженцев во внутренние округа России взбудоражило общественность, озабоченную возможным ростом в этой связи социальной напряженности, и позволило мобилизовать на решение этой проблемы если не все, то многие ресурсы. Дамские комитеты и комитеты дорожных служащих, сельскохозяйственные и вольнопожарные общества, организации студентов и учащихся, союзы борьбы с детской смертностью и санитарные бюро, попечительства о бедных и советы церквей, музыкально-драматические

кружки и потребительские кооперативы, общества трезвости и общества приказчиков, кредитные товарищества и страховые союзы – все эти и многие другие традиционные для России начала XX в. общественные ассоциации едва ли не первыми, если не считать действовавших на фронтах государственных «Северопомощи» и «Югобеженца», отреагировали на беженский кризис. «На циркулярное воззвание к потребительным обществам Пермского союза потребительных обществ об оказании помощи беженцам, прибывающим в г. Пермь и Пермскую губернию, кооперативные организации не замедлили откликнуться и в настоящее время в правление союза поступили следующие пожертвования: от Чусовского общества потребителей – 300 руб., Кусье-Александровского общества потребителей – 200 руб., Сарсинского общества Красноуфимского уезда – 100 руб. и от общества Лысьвенского завода – 25 рублей. Всего поступило пожертвований деньгами от потребительских обществ 625 руб., каковые, поступая в распоряжение правления Пермского союза потребительных обществ, пойдут исключительно на дело помощи беженцам. Кроме того, беженцев берут на свое полное содержание потребительные общества: Мотовилихинское общество "Самопомощь" берет 10 семей, Нижне-Михайловское Красноуфимского уезда – 4 семьи и Бисертское общества – от 10 до 12 человек с выдачей им пособия от 8 до 10 руб. в месяц...», – сообщала екатеринбургская газета «Зуральский край» об одной из такого рода инициатив (Помощь кооперативных организаций..., 1915, 11 сент.).

Всероссийским городским союзом в 1916 г. было подсчитано, что число беженских организаций в стране достигло примерно 1200. Из них 35 % составляли земско-городские объединения, 36 % – национальные комитеты, 13 % – отделения Татьянинского комитета, 10 % – разномастные общества и их отделения, 2 % – комитеты духовного ведомства ([Без названия] // Изв. Всерос. Союза Городов, 1916, №. 29–30, с. 316).

Однако в своей деятельности всевозможные самодеятельные благотворительные организации так или иначе зависели от государства, тем самым демонстрируя, что и в годы Первой мировой войны общественная инициатива в России развивалась в традиционном для нее русле: «Сфера общественного призрения и благотворительности представляла собой арену соперничества между государством, пытавшимся контролировать (сначала очень жестко, но потом более гибко) развитие системы помощи бедным, не имея сбалансированного для данных нужд бюджета, – и общественной инициативой, пожелавшей внести свою лепту, но все время сдерживаемой законодательными и административными барьерами» [Ульянова, 2000, с. 200].

В полной мере это отразили лидировавшие в деле организации помощи беженцам структуры, среди которых выделялись Комитет Ее Императорского Величества Великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий (14 сентября 1914 – февраль 1917 г.); Всероссийский Земский и Городской союзы помощи больным и раненым воинам (далее – ВЗС и ВСГ); национальные организации помощи беженцам, как вновь созданные, так и действовавшие в рамках уже существовавших национальных объединений (Всероссийское общество попечения о беженцах, занимавшееся устройством русских беженцев, а также польский, еврейский, литовский, латышский и другие комитеты, 1914–1918 гг.). Деятельность этих организаций строилась на различных основаниях, соотносясь с массой разных объективных и субъективных обстоятельств, что нередко делало их более похожими на лебедя, рака и щуку из известной басни И.А. Крылова, чем на столпов беженского дела. Так, само существование, а тем более работа национальных организаций, разбросанный, казалось бы, по всей стране, до некоторой степени обуславливались «случаем» – наличием в той или иной местности сил, принадлежавших к определенной этнокультурной группе. В то же время отделения Татьянинского комитета оказывались то едва ли не единственным органом, обслуживавшим все без исключения нужды беженцев, то одной из многих филантропических структур, несших ответственность лишь за определенные виды помощи беженцам, то не более чем субсидирующим центром, обеспечивая тем самым посредничество между местными комитетами и финансирующим их центром. Деятельность ВЗС и ВСГ, с которыми координировали свою работу земско-городские организации и учреждения, нормировалась отсутствием земско-городских традиций управления на Кавказе и в Сибири, что усугубляло ситуацию неравномерности той помощи, которая могла быть предоставлена и предоставлялась на местах.

Иерархия организаций по устройству беженцев выстраивалась в прямом соответствии с принципами устройства российских органов власти, главным из которых был принцип вертикальности. Централистско-административный подход к формированию новых и функционированию

уже имевшихся проводников помощи беженцам отчасти зафиксировали документы, связанные с работой Татьянинского комитета (см. табл. 1).

Таблица 1

**Отделения Комитета Е.И.В. Великой Княжны Татьяны Николаевны
на 1 декабря 1916 г.**

Губернии и области	Губернские и областные	Городские	Уездные	Сельские и волостные	Прочие	Всего	Губернии и области	Губернские и областные	Городские	Уездные	Сельские и волостные	Прочие	Всего
Архангельская	1		8			9	Орловская	1					1
Астраханская	1					1	Пензенская	1		7			8
Бессарабская	1	3	8			12	Пермская	1	1	10			12
Виленская	1		3			4	Петроградская	1	1	8			10
Витебская	1		11			12	Подольская	1		12			13
Владимирская	1		7	1		9	Полтавская	1		6			7
Вологодская	1					1	Псковская	1		8			9
Волынская	1		10		1	12	Рязанская	1		12			13
Воронежская	1		12	222		235	Самаркандская	1					1
Вятская	1		11	4		16	Самарская	1	1	6	104		112
Гродненская	1					1	Саратовская	1	1	7	4		13
Донского Войска	1	2	1	31		35	Сахалинская	1					1
Екатеринославская	1	1	8	103	1	114	Симбирская	1		8	52		61
Забайкальская	1					1	Смоленская	1		1			2
Закаспийская	1		1			2	Ставропольская	1		1			2
Казанская	1		12	1		14	Сырдарьинская	1		1			2
Калужская	1	1	11	72		85	Таврическая	1	1	8	11		21
Киевская	1	1	1		1	4	Тамбовская	1		12			13
Ковенская	1		7			8	Тверская	1	3	12	1		17
Костромская	1		12	3		16	Томская	1	3		5		9
Кубанская	1					1	Тульская	1		3			4
Курляндская	1					1	Уральская	1					1
Курская	1			1		2	Уфимская	1		6			7
Лифляндская	1					1	Ферганская	1					1
Минская	1	2	9	64		76	Харьковская	1		7			8
Могилевская	1		11	18		30	Херсонская	1	2	6			9
Московская	1	1	13			15	Холмская	1					1
Нижегородская	1		7	2		10	Черниговская	1		15			16
Новгородская	1	2	10		1	14	Эстляндская	1	1	2			4
Оренбургская	1	2	7	63		73	Ярославская	1	1	10			12

Примечание: источник – ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 224. Л. 108 об.–09

Та же особенность, но в еще большей степени была свойственна созданию беженских отделов ВЗС и ВСГ, последовательно представленных на национальном (общероссийском), губернском (региональном), уездном (местном) и волостном (локальном) уровнях. История любого из отделов ВЗС и ВСГ начиналась с указания властей «незамедлительно организовать» местный комитет помощи беженцам. Так, уральские источники сообщают, что 9 августа 1915 г. Пермский губернский комитет ВЗС уведомил Соликамскую уездную земскую управу о присылке в губернию 100 тыс. беженцев и попросил общественность Чермозского завода «незамедлительно организовать под председательством представителя Управления заводом местный районный комитет помощи беженцам ... при участии местных духовенства, административных должностных лиц, служащих земства, учительского персонала...» (ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 2693. Л. 6). Неудивительно, что каза-

лось бы общественная по своей природе организация на поверку нередко являла собой не более чем особый стол в местной управе, что превращало эту природу в фиктивную.

Специфика беженских структур заключалась не только во внешнем сходстве их устройства с устройством «обычных» государственных управленческих органов. Помимо того, основные учреждения, связанные с беженством, существовали главным образом на средства казны. В одном из документов эпохи, в частности, отмечалось, что через Особое совещание о беженцах, призванное координировать беженское дело в империи, к 7 декабря 1915 г. ассигновано в распоряжение действовавшей на Северо-Западном фронте «Северопомощи» 30943,8 тыс. руб., «Югобеженца», созданного на Юго-Западном фронте, – 12000,0 тыс., ВЗС – 11697,0 тыс., ВСГ – 5867,759 тыс., заместника на Кавказе – 4122,5 тыс., польских организаций – 7100,0 тыс., латышских обществ – 2369,82 тыс., еврейского комитета – 1800,0 тыс., литовского комитета – 1660,0 тыс., а всего с учетом главноначальствующих различных губерний – 96788,663 тыс. руб. (Особое совещание о беженцах, 1916, № 4, с. 201–202). Таким образом, положение занятых беженским делом общественных организаций изначально было странным, тем более что на уровне губерний и уездов их конкурентами нередко выступали комитеты помощи беженцам, возникшие с санкции местных властей.

Источники свидетельствуют, что какое-то время различные параллельные структуры, ведавшие беженцами, уживались вполне себе мирно и, больше того, объединяли свои усилия. «В деле организации планомерной помощи многочисленным беженцам, прибывающим в г. Одессу, объединились польский, литовский, Татьянинский и еврейский комитеты... В г. Минске 3 августа состоялось заседание городского комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны с участием уполномоченного Союза Городов по вопросу о помощи беженцам, осевшим в Минске...», – фиксировалось в «Известиях Главного комитета Всероссийского земского Союза» ([Без названия] // Изв. Главного комитета..., 1915, № 21, с. 75).

При этом не только сугубо общественные организации оказались полезны друг другу. Кооперация госструктур и альтернативных им в деле помощи беженцам самостоятельных ассоциаций также могла быть плодотворной. 31 июля 1915 г. главноуполномоченный Северо-Западного фронта по устройству беженцев С.И. Зубчанинов, обращаясь к главе ВЗС Г.Е. Львову, отмечал: «Первый день совместной работы был счастлив присутствовать при награждении почетною боевою наградю уполномоченного (Земского. – *Н.С.*) Союза Вырубова, плодотворная деятельность которого и всего Союза засвидетельствована военными властями. Сегодня еду в Брест на совещание совместно с представителями союза городов и земств. Рассчитываю в будущем на дружную совместную работу по оказанию помощи беженцам» ([Без названия] // Изв. Главного комитета..., 1915, № 21, с. 78–79). Отвечая на любезность, Львов подчеркнул: «Земский союз в меру имеющихся в его распоряжении средств оказывает беженцам возможную помощь. Надеюсь, что объединенными и согласованными действиями всех общественных организаций будет осуществлена планомерная, всесторонняя помощь населению, вынужденному покидать занятые неприятелем местности» ([Без названия] // Изв. Главного комитета..., 1915, № 21, с. 79).

Вместе с тем в процессе тесного сотрудничества многообразных филантропических структур постепенно зрел и в конце концов явственно обозначился конфликт их интересов, выражавшийся прежде всего в борьбе за приоритет в получении денежных средств, отпускаемых государством. Уже в 1915 г. черты реальной проблемы обрело недопонимание между Татьянинским комитетом и ВЗС, вылившееся в жесткую дискуссию вокруг вопроса о регистрации беженцев. Полугосударственный статус первой из названных структур при активном вмешательстве Министерства внутренних дел (в лице Особого совещания по устройству беженцев) позволил решить спор в пользу Татьянинского комитета, надолго оставив неприятный осадок у земских деятелей. В этой связи в своих документах ВЗС не преминул отметить следующее: «Прекращение деятельности по регистрации беженцев не является таким простым делом, как это представляет себе министр вн[утренних] дел. В (Беженский. – *Н.С.*) отдел (ВЗС. – *Н.С.*) уже начал поступать материал и по общей переписи беженцев, производимой на местах. Если (Земский и Городской. – *Н.С.*) союзы откажутся или будут вынуждены отказаться от его собирания и разработки этого чрезвычайно ценного материала, то в этом случае потерпят несомненный ущерб общегосударственные задачи и интересы, связанные с устройством беженцев на местах. С другой стороны, прекращение деятельности бюро по розыску беженцев очень больно затрагивает интересы сотен и тысяч людей, к которым и без того судьба оказалась не особенно милостиво... Распоряжение министра вн[утренних] дел,

основанное на соображениях, высказанных Особым совещанием, грозит нанести серьезный ущерб делу, которое было налажено с большим трудом; главным страдающим лицом явятся беженцы русской национальности, ибо беженцы других народностей и в деле розыска получают гораздо большую помощь от национальных организаций» (Союзы о беженцах, 1916, № 1, с. 42–43).

Последнее из высказанных соображений в середине 1915 г. – середине 1916 г. стало общим местом в околобеженских кругах, что едва не столкнуло национальные комитеты помощи жертвам войны со всеми прочими претендентами на роль покровителей беженцев. «Редакцией "Голоса России" получена составленная Особым совещанием по устройству беженцев денежная ведомость о расходах, произведенных на нужды беженцев в течение последних нескольких месяцев. Общая сумма расходов достигает 100 млн руб., причем польским национальным организациям выдано: Обществу вспомоществования бедным полякам – 6 498 625 руб., Польскому комитету в Москве – 2 404 800 руб., Центральному обывательскому комитету губерний Царства Польского – 8 231 479 руб. и т.д., Латышскому центральному комитету – 3930000 руб.; Литовскому комитету – 750000 руб., Еврейскому комитету – 700000 руб. Русским же национальным организациям: Западно-Русскому обществу всего только 402000 руб., а Варшавскому русскому благотворительному комитету еще меньше – 43000 руб. Остальная сумма ассигнована в распоряжение разных губернаторов и частных лиц, но как она распределялась, не указано... При наличии таких огромных сумм, казалось бы, можно быть вполне спокойным, что все нужды беженцев удовлетворяются с избытком, а между тем "избыток" замечается в польских, латышских и, быть может, других организациях, в русских же этого избытка не только нет, но чувствует во всем везде огромная нужда...» ([Без названия] // Голос России, 1916, 10 апр. (№ 6), с. 14).

По прошествии полугода ситуация не изменилась. «Московские газеты приводят цифры ассигнований национальным комитетам в Москве: еврейскому комитету – 39 тыс. рублей (берем круглые цифры), литовскому – 75 тыс., латышскому – 183 тыс., польскому комитету – 439 тыс., еще польскому обывательскому комитету 29 тыс. по г. Москве и 63 тыс. для уездов, и, наконец, обществу попечения о русских беженцах – 12 тыс. ... Размер кредита на русских беженцев так ограничен сравнительно со сметами других национальных комитетов и так малозначителен сам по себе, что, разумеется, допускает помощь лишь в самых скромных размерах», – сокрушался в августе 1916 г. один из авторов «Вестника Всероссийского общества попечения о беженцах» (Положение русских беженцев..., 1916, № 30–31, с. 15).

Изменить ситуацию удалось лишь отчасти и только благодаря вмешательству министра внутренних дел, который поспешил озвучить позицию правительства со страниц газеты «Тамбовский край»: «По имеющимся в Министерстве внутренних дел сведениям, расселенные во многих губерниях беженцы русской национальности находятся в крайне тяжелом и даже критическом положении по отсутствию надлежащей заботы о них со стороны как местных административных властей, так и общественных и иноверных национальных организаций, из коих последние, получая от правительства значительные суммы, поставили себе целью оказание помощи исключительно своим единоверцам. Такое несоответствующее положение беженцев русской национальности побуждает меня обратиться к вашему превосходительству (тамбовскому губернатору. – Н.С.) с покорнейшей просьбой принять меры к тому, чтобы русские беженцы не были поставлены в худшее материальное положение, чем беженцы других национальностей» ([Без названия] // Вестн. Всерос. общества попечения о беженцах, 1916, № 30–31, с. 15; [Без названия] // Жизнь беженцев, 1916, № 2, с. 13).

Впрочем, некоторая напряженность в отношениях национально ориентированных беженских организаций была ничем в сравнении с тем конфликтом, который возник между Особым совещанием по устройству беженцев и земско-городскими объединениями. Конфликт этот институировался в течение 1915 г. и начале 1916 г., отражая неготовность российского государства к диалогу с обществом, которая характеризовала развитие российской благотворительности.

Первые признаки противостояния обозначились летом 1915 г., в самый разгар так называемого беженского кризиса. В то время как ВЗС и ВСГ начали активно помогать беженцам, поскольку во фронтовой, прифронтовой и тыловой полосах делать это системно было практически некому, российское правительство пребывало в раздумьях, не особенно спеша с какими-то серьезными мерами. Не дожидаясь отмашки от властей, летом 1915 г. главные комитеты ВЗС и ВСГ признали необходимым объединить свою деятельность по оказанию помощи беженцам, организовав общий отдел помощи беженцам, в который были делегированы по три уполномоченных от каждой орга-

низации. Кроме того, отношением от 17 сентября 1915 г. главный комитет Земского союза экстренно возбудил ходатайство о сообщении ему всех постановлений и руководящих указаний по вопросам, касающимся устройства беженцев, предложив передать ВЗС все полномочия по руководству беженским делом в империи. Однако Петроград молчал.

Нежелание официальных властей видеть в ВЗС объединяющий и направляющий деятельность отдельных земств орган было поддержано другими общественными структурами, высказавшимися в этой связи более чем однозначно. Против централизации беженского дела вокруг ВЗС единогласно проголосовали, к примеру, национальные организации, энергично отстаивавшие «объединение и централизацию в своих организациях вообще и целесообразность представления в Особом Совещании общей всероссийской сметы на каждую национальную организацию в частности. Члены Государственной Думы, являющиеся по существу представителями тех же национальных организаций, по отношению к земствам, городам и объединяющим их Союзам, заняли ту же позицию» (Беженцы и организация помощи..., 1916, с. 32). В этих условиях главный комитет ВЗС фактически отказался от уже принятых обязательств по объединению помощи земств беженцам, оставив за собой лишь обязанность помощи беженцам на фронтах. Но эта ситуация осложнялась тем, что местные земства, не участвовавшие во всех этих «разборках», вместо непосредственного обращения за средствами к Особому совещанию по устройству беженцев продолжали обращаться в ВЗС.

Власти, между тем, распорядились так: «Управляющим министерством внутренних дел разослана губернаторам циркулярная телеграмма об организации в губернских и уездных городах комитетов о беженцах при содействии земских и городских самоуправлений и широком использовании лиц, могущих оказать пользу делу. Теперь же, согласно полученным министерством внутренних дел представлениям, испрошен соответствующий кредит, и на днях будут высланы авансы по губерниям» ([Без названия] // Изв. Главного комитета..., 1915, № 21, с. 81). Деньги действительно пошли в регионы, при этом доля средств, выделенных общественным благотворителям, явно уступала суммам, направленным тем или иным административным органам, губернаторам (см. табл. 2, 3). К осени 1915 г., когда общественные благотворители получили более чем в два раза меньшие суммы в сравнении со средствами, направленными государственным службам, эта тенденция только наметилась. Затем она проявлялась более четко, и разрыв в объемах финансирования государственных и негосударственных структур неуклонно рос. Так, в апреле – сентябре 1916 г. властные инстанции получили в свое распоряжение более 47 млн руб. на устройство беженцев, в то время как общественные организации – порядка 16 млн (см. табл. 3).

Таблица 2

Кредиты, выделенные на содержание беженцев до открытия Особого совещания по устройству беженцев (до сентября 1915 г.)

Получатель кредита	Сумма, руб.	Получатель кредита	Сумма, руб.
Особоуполномоченный Западного фронта С.И. Зубчанинов	5000000	Всероссийский Земский Союз	1400000
Особоуполномоченный Южного фронта Н.П. Урусов	3000000	Всероссийский Союз Городов	1100000
		Польские организации	1100000
Наместник Кавказа	80000	Русский народный Совет Прикарпатской Руси	300000
Губернаторы и градоначальники	1355000	Отдельные города и отдельные лица	435000
Всего по линии государственных учреждений и ведомств	10155000	Всего по линии общественных организаций и частных лиц	4335000

Примечание: источник – Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: докл. Главным комитетам Уполномоченного, председателя Отдела М.М. Щепкина. М., 1916. С. 29

«Несогласованность действий главноуполномоченных с деятельностью союзов и неустановление правильного контакта между действиями главноуполномоченных и органов самоуправления составляют чрезвычайно существенный пробел. Земский и Городской Союзы не имеют доступа к основному – к вопросу о направлении потоков беженцев; затем самый учет последних стоит вне сферы компетенции союзов, и, таким образом, вся работа как союзов, так и отдельных земств и городов, получает естественно характер случайно вспомогательной операции. Если сюда еще присоединится недостаток ассигнований, то названные общественные организации и совсем окажутся не в состоянии сделать то, что они должны делать в данном отношении», – безрадостно характеризовал сложившуюся еще в конце 1915 г. ситуацию один из земских печатных органов (Дело помощи беженцам, 1915, № 19, с. 1048).

Таблица 3

Кредиты, выделенные Особым совещанием по устройству беженцев на содержание беженцев в апреле – сентябре 1916 г.

Получатель кредита	Сумма, руб.	Получатель кредита	Сумма, руб.
Акмолинский губернатор	423015	Симбирский губернатор	704281
Амурский губернатор	63400	Семипалатинский губернатор	2631
Архангельский губернатор	15000	Таврический губернатор	150000
Астраханский губернатор	991481	Тамбовский губернатор	2569490
Владимирский губернатор	230000	Тверской губернатор	373916
Воронежский губернатор	570000	Тобольский губернатор	370545
Вологодский губернатор	25501,8	Томский губернатор	430350
Вятский губернатор	17634	Тульский губернатор	303852
Витебский губернатор	250,0	Тургайский губернатор	35490
Наказной атаман Войска Донского	1113855	Туркестанский генерал-губернатор	625832
Екатеринославский губернатор	500000	Уральский губернатор	91068
Енисейский губернатор	142364	Уфимский губернатор	1199685
Иркутский губернатор	164640	Харьковский губернатор	1857910
казанский губернатор	804340	Херсонский губернатор	50600
Наместник Е.И.В. на Кавказе	4712807	Эстляндский губернатор	710
Калужский губернатор	900000	Черниговский губернатор	90000
Костромской губернатор	470805	Ярославский губернатор	613872
Курский губернатор	731731	Губернаторы на выдачу содержания ксендзам и пасторам	35960
Курляндский губернатор	2000	Департамент Госказначейства за перевозку беженцев	2000000
Лифляндский губернатор	50000	Главноуполномоченный кн. Урусов	4500000
Могилевский губернатор	525	Главноуполномоченный Зубчанинов	8594200
Московский губернатор	595748	Главноуполномоченные внутри Империи	82365,37
Московский градоначальник	995000	Всероссийский Земский Союз	2150000
Нижегородский губернатор	776668	Петроградский комитет Всероссийского Союза городов	200000
Новгородский губернатор	306050	Всероссийское общество попечения о беженцах	520000
Одесский губернатор	78340	Центральный Обывательский Комитет	3725000
Оренбургский губернатор	1086189	Латышский Центральный Комитет	3210000
Орловский губернатор	873485	Литовский Центральный Комитет	1290000
Пензенский губернатор	1000000	Совет съездов польских организаций	850000
Пермский губернатор	349177	Еврейский Центральный Комитет	2050000

Окончание табл. 3

Петроградский губернатор	19000	Общество вспомоществования бедным семействам поляков	2175000
Петроградский градоначальник	1500	Латышское общество «Родина»	2800
Псковский губернатор	915	Западно-Русское общество	50000
Рязанский губернатор	682730	Русский Народный совет Прикарпатской Руси	115760
Ростовский градоначальник	156305	Петроградский комитет Общества вспомоществования бедным армянам	105000
Самарский губернатор	3000310	Холмское православное братство	20000
Саратовский губернатор	1612566	Лечебный отдел Татьянинского комитета	15,44

Примечание: источник – РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 157. Л. 42–54

На местах же в это время творилось нечто невообразимое: «Одни (благотворительные организации. – *Н.С.*) выдавали пайки всем, другие лишь трудоспособным; одни – всем поровну, другие пропорционально убавляли пайки многосемейным. Одни принимали к учету казенный паек, получаемый семьями запасных, другие такого учета не делали. Одни евреям помогали, другие отсылали их за помощью в еврейские организации. Одни одежду давали, испрашивая на таковую средства и у Особого совещания, и у "Северопомощи", и у Татьянинского комитета, другие считали оказание помощи одеждой и обувью делом исключительно Татьянинского комитета. Пользование бесплатной столовой, устроенной национальной организацией, испрашивающей кредиты у Особого совещания, и одновременно пайком от местного городского самоуправления не оказывалось особо редким исключением... Наряду с этим находились и такие беженцы, которые оставались без всякой помощи» (Беженцы и организация помощи..., 1916, с. 36–37).

Более того, считая с созданием губернских комитетов помощи беженцам излишней аналогичную деятельность ВЗС, Н.В. Плеве, товарищ министра внутренних дел, и вовсе поставил вопрос о том, насколько оправданно отпускать средства ВЗС и ВСГ и не лучше ли выдавать их напрямую земским и городским учреждениям? Наряду с этим в декабре 1915 г. со ссылкой на «повышенное настроение низших слоев московского общества» ВЗС было отказано в проведении съезда его представителей в Москве, хотя в самом обществе прекрасно понимали, что власти не устраивает прежде всего повестка дня съезда, главным пунктом которой была организация помощи беженцам. Все это вызвало вполне ожидаемую реакцию со стороны земской общественности, которая констатировала, что «окончательно игнорировать Союзы пока еще не решаются, но к этому, по-видимому, идет дело» (Помощь беженцам, 1915, № 22, с. 1237).

Между тем во внутренних районах империи все более очевидным делался тот факт, что ни Татьянинский комитет, ни созданные по линии МВД губернские организации помощи беженцам, ни национальные общества, ни даже их консолидированные усилия не могут обеспечить разрешения беженской проблемы. «На общегубернском съезде председателей отделений комитета Великой Княжны Татьяны Николаевны, председателей губернской [и] уездных земских управ и представителей всех учрежденных благотворительных организаций по призрению беженцев вынесено решение, что благотворительные организации могут принять на себя лишь заботы по размещению, довольству, приисканию занятий беженцев, но не смогут справиться с трудным специальным вопросом по организации медицинской помощи, а тем более в виду появившихся среди беженцев эпидемических заболеваний, требующих срочного всестороннего развития дела борьбы с эпидемиями. Местное земство и городские самоуправления, считая вопрос охранения народного здоровья своей ближайшей непосредственной задачей, изъявили полную готовность принять в этом деле самое живое участие, если будут отпущены на этот предмет специальные ассигнования, так как местных средств для такого экстренного выходящего из норм случая совершенно нет. Ввиду этого прошу содействия Вашего сиятельства и принятия Всероссийским Земским Союзом дела медицинской помощи беженцам в уездах губернии, которых по первому распределению назначено в Самарскую губернию сто тысяч, не считая уже двадцати тысяч водворенных до сего распределения», – просил,

в частности, самарский губернатор С.Д. Евреинов, обращаясь к главе ВЗС Г.Е. Львову (Беженцы и организация помощи..., 1916, с. 15). В таких условиях власти были вынуждены смириться с заметной ролью земско-городских организаций в деле помощи беженцам и даже поддерживать их деятельность в империи финансово.

Однако это не означало, что центральная администрация отказалась от планов наступления на благотворительные организации. Об этом, в частности, свидетельствовал проект нового плана по устройству беженцев, рассмотренный в кредитной комиссии Особого совещания по их устройству 4 января 1916 г. Этот документ предлагал следующее: «...главное руководство делом, а также распоряжение кредитами принадлежат министру внутренних дел. Непосредственный надзор за устройством беженцев в пределах губернии принадлежит губернаторам и градоначальникам. Для объединения и планомерного направления деятельности всех местных учреждений губернаторам и градоначальникам предоставляется право образовывать соединенные совещания из представителей администрации, земского и городского самоуправления, а также национальных и иных организаций, работающих в данной местности. В уездах такие соединенные совещания образуются под председательством уездных предводителей дворянства. Ассигнованные на потребности беженцев кредиты передаются министерством внутренних дел губернаторам и градоначальникам» (Новый план помощи беженцам, 1916, № 2, с. 93).

Стоит ли удивляться, что настоящий документ, фактически лишая общественных благотворителей какой-либо самостоятельности, вызвал единодушно резкую критику общественности. «Земский союз, – отметил в этой связи Г.Е. Львов, – уже пережил две ломки. Сейчас пытаются устроить третью ломку. Это делает честь последовательности, систематичности направления министерства внутренних дел. Н.В. Плеве ссылается на желание Особого совещания объединить деятельность всех организаций, помогающих беженцам. Конечно, мы, как представители общественных организаций, не можем высказаться против объединения, но мы понимаем объединение общественных организаций лишь вокруг крупной общественной же единицы. Министерство понимает дело иначе. По его мнению, общественные организации между собой не должны объединяться. Их дело в пределах каждой губернии должно заключаться в подчинении губернатору. Зато губернаторы объединяются в Особом совещании, а само Особое совещание превращается в орган объединения губернаторов. Тут два совершенно противоположных принципа: принцип объединения общественного и принцип объединения административного. Мы высказывали пожелание общественного объединения, а вместо этого нам подсовывают объединение административное. Никакие редакционные поправки не могут исправить проекта, ибо разногласие здесь не в деталях, а принципиальное» (Новый план помощи беженцам, 1916, № 2, с. 94).

Противостояние властных структур и общественности усилилось. При этом чем более осязаемым был прессинг со стороны властей, тем более критично общественные силы оценивали роль правительства в беженском деле. На съезде уполномоченных ВЗС, прошедшем 12–14 марта 1916 г. в Москве, лидер земского движения Г.Е. Львов, в частности, заявил: «Нас разобили насильственно, не считаясь с задачами, которые возложены на нас родиной, не считаясь с моральным положением действенных сил страны. Слава Богу, что на спасение родины общественные силы от насильственного разобщения не ослабевают» (Съезд уполномоченных..., 1916, № 7, с. 364). Со страниц земских изданий в адрес правительственных организаций направлялись и более категоричные заявления: «Особое совещание за истекшее время не только не улучшило положения, но даже внесло в него расстройство, повлекшее нецелесообразное расходование государственных средств. Не могут внести порядка и утвержденные 2 марта (1916 г. – Н.С.) руководящие положения, в некоторых частях противоречащие закону 30 августа 1915 г. («Об обеспечении нужд беженцев». – Н.С.) и грозящие на местах распадом уже созданных организаций. В виду этого работа получила крайне беспорядочное направление...» (Помощь беженцам..., 1916, № 7, с. 367).

Открытое столкновение властных структур и общественности не заставило себя ждать. Когда товарищ министра внутренних дел князь В.М. Волконский попросил ВЗС немедленно командировать в распоряжение ведомства три врачебно-санитарных отряда, необходимых для эвакуации беженцев, Г.Е. Львов ответил, что возглавляемая им организация всякую деятельность, связанную с их нуждами, прекратила. Почему? «Потому, что от правительства не получено ответа на сделанный еще в сентябре запрос, будут ли правительством даны средства, а также нет ответа на запрос относительно порядка деятельности Союза по оказанию помощи беженцам...» (Беженцы..., 1916, № 9,

с. 465).

Конфликт грозил вылиться в нечто большее, но выступление в качестве арбитра Государственной думы позволило его смягчить. Урезонены при этом были обе стороны, оставшиеся каждая при своем. ВЗС и ВСГ стали регулярно получать более чем значительные ассигнования на поддержку беженского дела, объем которых к осени 1916 г. приблизился к полумиллиарду рублей (Министр внутренних дел..., 1916, № 11–12, с. 561). В то же время при Министерстве внутренних дел был образован Центральный ссудный комитет, после чего все структуры, ведавшие выдачей ссуд беженцам, были ликвидированы ([Без названия] // Жизнь беженцев, 1916, № 1, с. 13, 16).

Передышка, однако, была недолгой. 10 августа 1916 г. правительство в лице Министерства внутренних дел и Министерства финансов внесло предложение о сокращении выдачи пайков беженцам: их могли получать не более 50 % зарегистрированных беженцев. И, даже если признать достигнутое под давлением общественности увеличение предложенного правительством процента до 55 % компромиссным решением, это было явным признаком поражения благотворителей-общественников ([Без названия] // Жизнь беженцев, 1916, № 1, с. 10). Ограничительные меры в отношении беженцев поддержали местные власти, о чем свидетельствовала инициатива губернаторов, предложивших в сентябре 1916 г. ограничить компетенцию национальных организаций помощи беженцам ([Без названия] // Жизнь беженцев, 1916, № 2, с. 11; № 3, с. 1–2). По сути, наступление на общественность шло теперь по всем фронтам.

Результаты этого не заставили себя ждать, проявившись в разочаровании в беженском деле со стороны общественности: «В среде работников беженского дела чувствуется растерянность и нарастает стремление к изменению организаций, но в самых разных формах, которое оно принимает, заметно иногда крайнее оскудение общественного творчества. Из многих мест идут сведения, что число этих работников тает. В Саратовском городском комитете ряд заседаний посвящается обсуждению наступившего в нем кризиса. В Вольске представитель Татьянинского комитета письменно предлагает городской управе принять беженцев в ведение города... Во Владимире губернский комитет, объединявший деятельность уездных, ликвидировал свою деятельность...» ([Без названия] // Изв. Всерос. Союза..., 1916, № 29–30, с. 324–325). 31 августа 1916 г. отделение Союза городов в Омске заявило о невозможности своей дальнейшей работы, ссылаясь на отсутствие средств. Одновременно закрыла свои учреждения местная секция польского комитета в Иркутске. Та же участь вскоре постигла и Екатеринбургский комитет Всероссийского союза городов, тогда как в Самаре «вследствие прекращения правительством соответствующего ассигнования» была «ликвидирована» врачебная помощь беженцам [Без названия] // Жизнь беженцев, 1916, № 4, с. 3–4; № 6, с. 14; № 7, с. 14).

Подводя черту под историей своих отношений с государством, общественность, объединенная задачами помощи беженцам, в конце 1916 г. констатировала, что в ее организации власти «увидели организацию оппозиционно настроенных общественных элементов страны. И в противовес общественным организациям был создан особый бюрократический механизм помощи беженцам, переданный в ведение Министерства внутренних дел, но так как открыто упразднить то, что было создано обществом, все же было неудобно, то с ними повели борьбу скрытую. Первоначально к общественным организациям в этой борьбе был применен метод борьбы "на истощение" – задерживалась выдача средств, необходимых для оказания помощи беженцам, требовалась скорая отчетность... Однако этот метод "борьбы" не дал должных результатов – организации продолжали существовать, перебиваясь с грехом пополам от ассигновки до ассигновки, напрягая все усилия к выполнению предъявляемых к ним требований. Тогда решили испробовать другой способ борьбы – создать свои "образцовые" учреждения для помощи беженцам, взять их под свою опеку и упразднить злонамеренные общественные учреждения. Но и этот способ провалился... Испробовав два метода борьбы с ненавистной общественностью, решили испробовать третий метод – сокращать до невозможного минимума сметы различных организаций и издавать абсолютно невыполнимые циркуляры...» ([Без названия] // Жизнь беженцев, 1916, № 10, с. 8–9).

По стране даже поползли слухи, что в 1917 г. государство вообще намерено отказаться от помощи беженцам, что отражало общую атмосферу растущего недоверия между властью и обществом, – атмосферу, в которой явно улавливалось если не отсутствие консенсуса между ними, то как минимум крайне низкий уровень их союзоспособности. Впрочем, исключительно негативным опытом общественной организации беженского дела, безусловно, не был. «Русское беженство моби-

лизовало еще раз свои силы и еще раз доказало, что в минуту тяжелых испытаний оно всегда сумеет собрать распыленные силы и создать необходимые условия для облегчения сурового положения нашего отечества, в которое оно часто попадает благодаря неумелому руководству вершителей политических судеб России. На местах были созданы всевозможные губернские, уездные, городские, дамские комитеты. Быстро собрались кадры бесплатных работников. Работа закипела», — замечали современники, несколько преувеличивая состояние дел, но по сути справедливо ([Без названия] // Жизнь беженцев, 1916, № 10, с. 6). Более того, беженство не просто породило целый ряд самостоятельных инициатив, как институционально оформленных, так и оставшихся неформальными. Оно позволило появиться кругу специалистов, для которых помощь социально нуждающимся стала профессией. В этом случае профессионализация сопровождалась специализацией, в частности, формированием номенклатуры различных категорий беженцев, требовавших разного вида помощи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- [Без названия] // Вестн. Всерос. общества попечения о беженцах. 1916. № 30–31.
[Без названия] // Голос России: Еженед. обществ.-полит. журн., издаваемый кн. А.П. Андрониковым. 1916. 10 апр. (№ 6).
[Без названия] // Жизнь беженцев. 1916. № 1–4, 6, 7, 10.
[Без названия] // Изв. Главного комитета. Всерос. Земского Союза помощи больным и раненым воинам. 1915. № 21.
[Без названия] // Изв. Всерос. Союза Городов. 1916. № 29–30.
Беженцы // Земское дело. 1916. № 9.
Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: докл. Главным комитетам Уполномоченного, председателя Отдела М.М. Щепкина. М., 1916.
Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 280. Оп. 1. Д. 2693.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 215. Оп. 1. Д. 224.
Дело помощи беженцам // Земское дело. 1915. № 19.
Министр внутренних дел о Земском и Городском Союзах // Земское дело. 1916. № 11–12.
Новый план помощи беженцам // Земское дело. 1916. № 2.
Особое совещание о беженцах // Земское дело. 1916. № 4.
Положение русских беженцев // Вестн. Всерос. общества попечения о беженцах. 1916. № 30–31.
Помощь беженцам // Земское дело. 1915. № 22.
Помощь беженцам // Земское дело. 1916. № 7.
Помощь кооперативных организаций беженцам // Зауральский край. 1915. 11 сент.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Оп. 1. Д. 157.
Союзы о беженцах // Земское дело. 1916. № 1.
Съезд уполномоченных Земского Союза 12–14 марта // Земское дело. 1916. № 7.

Библиографический список

- Арутюнян А.А.* Первая мировая война и армянские беженцы (1914–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1989.
Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930.
Златина М.А. Проблема еврейского беженства в России в период Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.
Кузьменко А.С. Недобровольные мигранты в Восточной Сибири в 1914 – феврале 1917 г. (по материалам Енисейской и Иркутской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2010.
Ульянова Г.Н. Благотворительность и общественное призвание в России XIX – начала XX в.: институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества // Тр. Ин-та рос. истории РАН. 2000. № 2. С. 164–217.
Утгоф В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.
Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
Щетинина А.С. Беженцы на юге Западной Сибири 1914–1923 гг.: источники и методы изучения: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.01.2016

**REFUGEE PROBLEM IN CONFLICTS AND COMPROMISES
BETWEEN RUSSIA'S AUTHORITIES AND PUBLIC
ORGANIZATIONS DURING WORLD WAR I
(ON THE MATERIALS OF PERIODICAL PRESS)**

N. V. Surzhikova

Sector of Local History and History of Everyday Life, Institute of History and Archaeology, Ural branch, Russian Academy of Sciences, Kovalevskoy str., 16, 620990, Yekaterinburg, Russia
snvplus@mail.ru

The article discusses the relations between the state and the society in Russia during the First World War through the example of the so-called refugee relief organization. It is shown that the refugee crisis roused a variety of public forces to be active and led to a clash of their interests as well as the authorities' interests with the interests of different amateur associations. The key point in their disagreements was above all the question of competence and resources which remained unresolved. Thus, the situation with refugee relief signified a general atmosphere of growing mistrust between the state and the society, in which one could obviously pick up if not a zero consensus, then, at least an extremely low level of their cooperating capacity. Skilfully exploiting interests of various non-governmental unions, the central government was not clearly aware that not only it did not contribute to the solution of the refugee problem, but it also pandered to the atomization of the society and in such a way – to the increase of social tension. However, the experience of refugee relief organization in pre-revolutionary Russia was by no means only negative. It enabled to mobilize not only overt but hidden material, administrative and other resources. Moreover, refugeedom gave rise to a number of amateur initiatives, institutionalized as well as remained informal; it also led to the formation of a circle of experts for whom relief of the socially needy became a profession. Professionalization in this case was accompanied by specialization and, in particular, the formation of the nomenclature of different refugee categories requiring different types of assistance.

Key words: World War I, Russia, refugee crisis, state, society, charity, compromise, conflict, resources, experience.

References

- Arutyunyan A.A.* Pervaya mirovaya voyna i armyanskie bezhentsy (1914–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Erevan, 1989.
- Volkov E.Z.* Dinamika narodonaseleniya SSSR za vosem'desyat let. M.; L., 1930.
- Zlatina M.A.* Problema evreyskogo bezhenstva v Rossii v period Pervoy mirovoy voyny: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2010.
- Kuz'menko A.S.* Nedobrovol'nye migranty v Vostochnoy Sibiri v 1914 – fevrale 1917 g. (po materialam Eniseyskoy i Irkutskoy guberniy): dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk, 2010.
- Ulyanova G.N.* Blagotvoritel'nost' i obshchestvennoe prizrenie v Rossii XIX — nachala XX v.: institutsional'noe razvitie v kontekste formirovaniya grazhdanskogo obshchestva. *Tr. In-ta ros. istorii RAN.* 2000. № 2. S. 164–217.
- Utgof V.S.* Belorusskie bezhentsy Pervoy mirovoy voyny v 1914–1922 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2003.
- Tsovyan D.G.* Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov i obshchestvennykh organizatsiy po okazaniyu pomoshchi bezhentsam v gody Pervoy mirovoy voyny. 1914–1917 gg. : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2005.
- Shchetinina A.C.* Bezhentsy na yuge Zapadnoy Sibiri 1914–1923 gg.: istochniki i metody izucheniya: dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 2007.